

ЭО, 2009 г., № 1

© М. К. Пан, В. Ю. Бахолдина

К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КОРЕЯ

Природа Кореи создавала благоприятные условия для заселения этой территории человеком уже в палеолите. "Мягкий и достаточно разнообразный климат, благоприятное сочетание предгорья, равнин и водных пространств, морские и наземные ресурсы создали предпосылки для заселения Корейского полуострова палеолитическим человеком" (Воробьев 1977: 370). Однако ископаемый костный материал эпохи палеолита с территории Корейского п-ова до недавнего времени отсутствовал. Между тем, учитывая сложность вопроса о ранних стадиях заселения полуострова человеком, любые данные такого рода представляют большую ценность и вызывают значительный научный интерес.

Палеоантропологические исследования в Северной Корее начались в 70-е годы XX в.; результаты этих исследований были опубликованы тогда же и в 80-е годы. В Южной Корее раскопки ведутся с 80-х годов, и в конце этого десятилетия были опубликованы их результаты.

Всего к настоящему времени на Корейском п-ове обнаружены девять стоянок ископаемых людей эпохи палеолита. На территории Северной Кореи это стоянки Сынри-сан (Археологическое исследование 1978), Оёкфо (Ким С.К. и др. 1985а), Мандал (Ким С.К. и др. 1985б), Ёнгок (Чжон Ч.Х. и др. 1986), Кымчхон (Чжан У.Ч., Кан М.К. 1988) и Хвадэ (Чжан У.Ч. 2002). На территории Южной Кореи это пещеры Дурбон (Хвынсу) в Чхонвон (Ли Ю.Ч. 1991), Гунан (Ли Ю.Ч., Пак С.Ч. 1991), а также стоянка Санси (Сон Б.Г. 1981, 1984). Данные о палеоантропологических находках приведены в Табл. 1.

В Южной Корее (г. Данян, пров. Северная Чхунчхон) обнаружена также стоянка Гымгул, на которой не найдено костных останков, но которая, судя по ископаемой фауне и найденным орудиям, относится к нижнему плейстоцену (Сон Б.Г. 1984). Большинство стоянок древнего человека на Корейском полуострове обнаружено в пещерах.

Исходя из имеющихся датировок, можно предположить, что территория полуострова была впервые заселена людьми, находящимися на стадии *Homo erectus*. Находка костных останков в местонахождении Оёкфо, которое датируется, как указывается в Табл. 1, средним плейстоценом, и где в 1977 г. был найден скелет ребенка семи-восемью лет, позволяет допустить, что здесь могли обитать и люди вида *Homo heidelbergensis*.

Возможно, к обитателям со стоянки Оёкфо были близки по типу люди из пещеры Сынри-сан близ г. Докчон, где в 1978 г. были найдены два моляра и лопатка. Стоянка в пещере Сынри-сан датируется концом плейстоцена. В ней различают три основных слоя. В первом из них был найден "человек Докчон", который диагностируется как архаический *Homo sapiens* (Археологическое исследование 1978). Во втором культурном слое найдены останки человека современного типа, известного в литературе как "человек Сынри-сан". Здесь же обнаружена нижняя челюсть, имеющая возраст около 30–40 тыс. лет. На стоянке найдены также кости животных, но не обнаружено никаких орудий.

Пан Мин Кю (Pang Min Kyu) – аспирант кафедры антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Варвара Юрьевна Бахолдина – кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии Московского государственного университета; e-mail: vuu@sumail.ru

Таблица 1

Древнейшие палеоантропологические находки Корейского п-ова

Локализация местонахождения	Название	Датировка
Северная Корея	Оёкфо	средний плейстоцен
	Хвадэ	300 тыс. лет
	Сынрисан	средний (верхний) плейстоцен
	Кымчхон	верхний плейстоцен, 30 тыс. лет
	Ёнгок	43–48 тыс. лет
	Мандал	25–30 тыс. лет
Южная Корея	Дурбон (Хвынсу)	40–50 тыс. лет
	Санси	30 тыс. лет
	Гунан	верхний плейстоцен

Особый интерес для корейских палеоантропологов представляют находки более позднего времени, которые относятся к верхнему палеолиту и в какой-то мере уже позволяют реконструировать гипотетический облик предков современных корейцев. Наибольшее внимание привлечено к материалам из верхнеплейстоценовых местонахождений Ёнгок, Мандал, Санси и Дурбон, которые сохранились лучше остальных и служат поэтому основным источником информации о физических особенностях ископаемого населения Корейского п-ова.

Пещера Ёнгок расположена в 45 км к юго-востоку от Пхеньяна в поселке с одноименным названием. Стоянка состоит из 13 слоев. Палеолитические орудия и костные останки людей найдены в 8–11 слоях. Обнаружено четыре черепа, пять нижних челюстей, три плечевые кости, шесть ребер, две тазовые кости, один крестец и восемь бедренных костей. Лучше всего сохранились два черепа, принадлежащие, по-видимому, взрослым мужчинам. Сообщается, что черепа характеризуются долихокранией (черепной указатель – 69,5), узким лбом, сфероидной формой в вертикальной норме, некоторым уплощением теменных костей (Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004). Черепа из Ёнгок отличаются также сильным наклоном нижней части чешуи затылочной кости, от точки инион до точки опистион. Надбровные дуги образуют практически сплошную структуру с рельефом в области глабеллы.

Стоянка Мандал также обнаружена в пещере, в поселке с одноименным названием, недалеко от Пхеньяна. В среднем слое стоянки, который относится к концу верхнего палеолита, или к мезолиту, найдены неполный череп, нижняя челюсть, а также плечевая кость, бедренная кость и крестец. Предполагается, что все это фрагменты скелета одного индивида – взрослого мужчины в возрасте 25–30 лет. Череп из Мандал также относительно долихокранен (черепной указатель – 72,6), при этом отличается прямым лбом, высоким сводом черепа и, несмотря на сильно развитый наружный затылочный бугор, плавным переходом от верхней части затылочной кости к нижней (Чжан У.Ч. 1995). Эти особенности заметно отличают его от черепа из Ёнгок. Челювек из Мандал был более широколицым, отличался средними по высоте орбитами и средним выступанием носовых костей. Сходство с человеком из пещеры Ёнгок отмечается в конфигурации надглазничного рельефа, в котором хорошо развитые надбровные дуги соединяются в единую структуру с выступом в области глабеллы. Очевидно, подобным сходством не следует пренебрегать, особенно если вспомнить о том, что именно форма надбровных дуг стала фактически главным маркером при дифференциации таких крупных таксонов ископаемых гоминид, как *Homo erectus* и *Homo ergaster*.

Основываясь на некоторых чертах сходства, часть исследователей выстраивает прямую преемственность между людьми типа Ёнгок и Мандал, считая первых непосредственными предками вторых (Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004). При этом заметные различия в конфигурации черепа между ними некоторые корейские авторы объясняют возможными различиями в питании (Пак С.Ч. 2002). В современной краниологии разрабатывается несколько гипотез относительно влияния на краниологическую изменчивость внешних факторов, таких как климат (Albert, Greene 1999; Guglielmino-Matessi et al. 1979; Hernández et al. 1997; Roseman, Weaver 2004) или состав пищи (Moore et al. 1968). Предполагается, что эти факторы могут играть роль своеобразного "информационного шума" в палеоантропологических исследованиях, когда в качестве причин краниологических различий рассматриваются миграции и смена населения, в то время как речь, возможно, должна идти об эпохальных изменениях климата или типа питания. В эволюции человека особая роль, очевидно, принадлежала переходу от питания сырой пищей к еде, приготовленной на огне (Добровольская 2005; Calcahho, Gibson 1988). Большое значение придается включению в питание человека жидкой пищи, приготовление которой стало возможным после изобретения керамики (Simon 1988).

Предполагается, что перемена типа питания в наибольшей степени сказывается на лицевом скелете и размерах зубов (Brace et al. 1987). Начиная с эпохи верхнего палеолита прослеживается постоянная тенденция к уменьшению этих размеров (Goose 1962). Как отмечают некоторые исследователи, при переходе от верхнего палеолита к мезолиту, когда на смену охоте и собирательству постепенно приходит земледелие, повсеместно наблюдается и соответствующая динамика краниологических показателей – уменьшается длина черепа и увеличивается его высота. Эти трансформации происходят главным образом благодаря изменению размеров и конфигурации обеих челюстных костей в результате прогресса в питании (Calson, Gerven 1977, 1979; Brace et al. 1987, 1991).

Изучение черепов Ёнгок и Мандал показывает, что различия между ними могут быть объяснены влиянием на форму и размеры черепа изменениями в питании древнего населения Корейского п-ова. Есть предположение, что люди типа Мандал чаще употребляли в пищу мелких животных и рыбу, чем их возможные предки – люди типа Ёнгок (Пак С.Ч. 2002).

Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой люди типа Мандал представляют собой некое пришлое население, которое сменило население Ёнгок (Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004). Миграции и смена населения, возможно, имели место и в более позднее время, когда на полуострове появились племена, пришедшие с северо-востока и отличавшиеся выраженной брахикранностью. Миграционная гипотеза подтверждается и сходством микролитических орудий Кореи, Японии и Китая, что свидетельствует о существовании в верхнем палеолите обширной области сходных культурных традиций (Там же). Вместе с тем, признавая в качестве обоснования миграционной гипотезы брахикранность более позднего населения по сравнению с более ранним, не следует исключать и возможность эпохальных процессов брахикефализации, которые, как известно, были широко распространены на самых разных территориях. Причины этих процессов уже многие годы служат предметом научных дискуссий (Алексеев 1985; Бунак 1980; Weidenreich 1949). В исследовании одного из авторов статьи показано, что в основе процессов эпохальных изменений формы черепа могут лежать и некоторые особенности морфологической изменчивости, когда главный вектор изменчивости формируют широтные размеры черепа (Бахолдина 2007). Черепа из Ёнгок и Мандал различаются именно по широтным размерам, что позволяет допустить возможность и эпохальных изменений формы черепа населения Корейского п-ова.

Таблица 2

Реконструкция длины тела людей из Ёнгок (Пак С.Ч., И Ы. Г. 2004)

Кости	Длина (мм)	Реконструированная длина тела, рост (см)
Плечевая кость	313	167,5 (163,9–171,2)
Бедренная-1	440	167,1 (163,3–170,9)
Бедренная-2	450	169,3 (165,5–173,1)
Бедренная-3	460	171,5 (167,7–175,2)

Находки в пещере Ёнгок позволили также реконструировать внешний облик людей, оставивших эту стоянку. На основе измерений хорошо сохранившихся одной плечевой и трех бедренных костей была восстановлена длина тела людей из Ёнгок. Использовалась методика Троттер и Глезер (*Trotter, Gleser 1958*). Результаты палеорекострукции показывают, что у людей из Ёнгок длина тела была в пределах 167–175 см (Табл. 2).

Таким образом, рост людей из Ёнгок был больше, чем у современных корейских мужчин, для которых она составляет в среднем 166 см (*Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004*). Эти данные могут рассматриваться как один из аргументов в пользу миграционной гипотезы происхождения более позднего населения. Находки из Ёнгок были также использованы для реконструкции типа физической активности древних насельников Корейского п-ова. По четырем бедренным костям, найденным в Ёнгок, был рассчитан указатель Кольера (*Collier 1989*). Указатель представляет собой частное от деления произведения сагиттального и поперечного диаметров середины диафиза бедренной кости на ее длину и характеризует относительную величину площади поперечного сечения тела бедренной кости. Значение указателя Кольера, вычисленного с учетом развития шероховатой линии бедра (*linea aspera*), составляет в среднем 6.1. Эта величина сопоставима с величиной указателя, вычисленного для аборигенов Австралии – 6.0, что позволяет считать охоту и собирательство, свойственные австралийским аборигенам, основным занятием древнего населения Корейского п-ова 43–45 тыс. лет назад (*Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004*).

Для реконструкции типа физической активности древних насельников территории современной Кореи была использована также находка из местонахождения Санси (см. Табл. 1). Она была сделана в 1980 г. недалеко от пос. Санси в южнокорейской провинции Северная Чунчхон. Найдены фрагменты черепа, лопатка, а также локтевая и лучевая кости одного индивидуума. Изучение лопатки человека из Санси показало, что форма ее латерального края сходна с таковой людей из пещеры Схул и напоминает также строение лопатки современных спортсменов-легкоатлетов (*Сон Б.Г. 1981, 1984*).

Находки из Ёнгок и Санси позволяют в какой-то мере реконструировать внешний облик и тип физической активности древних людей с территории Корейского п-ова. Очевидно, они занимались охотой и собирательством, и образ их жизни требовал достаточно высокой физической активности, аналогичной занятиям современной легкой атлетикой. Возможно, они широко использовали копья, постоянное метание которых могло отразиться на морфологии костей плечевого пояса этих людей.

В местонахождении Дурбон (Хвынсу), в провинции Северная Чунчхон на территории Южной Кореи были найдены два детских скелета (*Ли Ю.Ч. 1991*). Один из этих скелетов оказался достаточно хорошей сохранности, что позволило реконструировать пол и длину тела ребенка. Предполагается, что это был мальчик четырех–шести лет, длина тела которого составляла 100–120 см. Свод черепа был несколько уплощен

в области теменных костей. Эта находка позволяет получить представление о ранних этапах онтогенеза населения полуострова 40–50 тыс. лет.

Таким образом, палеоантропологические данные с территории Корейского полуострова дают возможность сделать несколько предположений относительно времени его заселения и антропологического облика древнейших обитателей. Освоение человеком этих мест могло начаться еще на стадии *Homo erectus* и *Homo heidelbergensis*. Относительно преемственности или смены населения начиная с периода верхнего палеолита имеющийся материал допускает правомочность двух гипотез. Первая из них предполагает преемственность между наиболее ранними представителями человека современного типа на Корейском п-ове и более поздним населением. В этом случае некоторое несходство в форме и размерах черепа могут объясняться различиями в питании людей разных эпох. Вторая гипотеза рассматривает возможность миграций и смены автохтонного населения какими-то пришлыми племенами. Некоторые антропологические данные также свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Ископаемые находки позволяют реконструировать образ жизни и специфику физических нагрузок древних обитателей полуострова.

Вероятно, в будущем новые находки расширят и дополнят существующие представления о древнейших этапах освоения человеком Корейского п-ова и об истории его населения.

Литература

- Алексеев 1965 – Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия. М.: Наука, 1985.
- Археологическое исследование 1978 – Археологическое исследование Докчон-Сынрисян // Вестник археологических исследований пещеры Сынрисян, г. Докчон. Вып. 11. Пхеньян, 1978. С. 6–58.
- Бахолдина 2007 – Бахолдина В.Ю. Изменчивость и таксономическая структура признаков кра-ниофациальной системы человека. М.: Книжный дом Университет, 2007.
- Бунак 1980 – Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Воробьев 1997 – Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1997. 432 с.
- Добровольская 2005 – Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 368 с.
- Ким С.К. и др. 1985а – Ким Син Кю, Ким Гё Ке, Бэк Ги Ха, Чжан У Чжин, Сео Гук Тэ. Археологическое исследование Дэхендон, в районе Оёкфо // Вестник археологических исследований пещеры около г. Пхеньян. Вып. 14. Пхеньян, 1985. С. 69–119.
- Ким С.К. и др. 1985б – Ким Син Кю, Ким Гё Кен, Бэк Ги Ха, Чжан У Чжин, Сео Гук Тэ. Археологическое исследование местонахождения Мандал, в районе Сынхво // Вестник археологических исследований пещер около г. Пхеньян. Вып. 14. Пхеньян, 1985. С. 2–68.
- Ли Ю.Ч., Пак С.Ч. 1991 – Ли Юын Чжо, Пак Сон Чжу. Об археологических исследованиях пещеры Гунап // Государственный Чжунвукческий университетский музей. Чеонджу, 1991.
- Ли Ю.Ч. 1991 – Ли Юын Чжо. Археологическое исследование пещеры Хвыгсу, Дурбон, г. Чхунвон // Палеолитическая культура Восточной Азии. Государственный институт культурных памятников. Сеул, 1991. С. 91–130.
- Пак С.Ч., И Ы.Г. 2004 – Пак Сон Чжу, И Ын Гён. Ископаемые люди Корейского полуострова // Вестник общества палеоархеологов. Вып. 7. Сеул, 2004. С. 41–51.
- Пак С.Ч. 2002 – Пак Сон Чжу. Ископаемые люди на Корейском полуострове // Вестник общества палеоархеологов. Вып. 7. Сеул, 2002. С. 41–51.
- Сон Б.Г. 1981 – Сон Бо Ги. Археологическое исследование пещеры Санси // Сообщения по истории Кореи Общества памятников государственного Чжунвукческого университета. Чеонджу, 1981. С. 19–55.
- Сон Б.Г. 1984 – Сон Бо Ги. Сообщение об археологическом исследовании стоянки Санси-1 // Музей университета Енсэ. Сеул, 1984. С. 1–74.
- Чжан У.Ч., Кан М.К. 1988 – Чжан У Чжин, Кан Мён Кван. Ископаемые люди из пещеры Кумчхона // Археологическое изучение Чосона. Вып. 104. Пхеньян, 1988. С. 6–10.

- Чжан У.Ч. 2002 – Чжан У Чжин. Ископаемые люди из Вхадэ // Археологическое изучение Чосона. Вып. 124. Пхеньян, 2002. С. 2–7.
- Чжан У.Ч. 1995 – Чжан У Чжин. Происхождение корейцев. Пхеньян: Наука, 1995.
- Чжон Ч.Х. и др. 1986 – Чжон Чжэ Хвон, Юн Чжин, Ким Гын Сик, Ю Чжон Гил. Стоянка пещеры Ёнгок. Пхеньян: Издательство университета им. Ким Ир Сена, 1986.
- Albert, Greene 1999 – Albert A.M., Greene D.L. Bilateral asymmetry in skeletal growth and maturation as an indicator of environmental stress // American Journal of Physical Anthropology. 1999. Vol. 110. № 3. P. 341–349.
- Brace et al. 1991 – Brace C.L., Smith, S.L., Hunt K.D. What Big Teeth You had Grandma! Human Tooth Size Past and Present // Advances in Dental Anthropology / Eds. M.A. Kelly, C.S. Larsen. N.Y., 1991. P. 33–57.
- Brace et al. 1987 – Brace C.L., Rosenberg K.R., Hunt K.D. Gradual Change in Human Tooth Size in the Late Pleistocene and Post Pleistocene // Evolution. 1987. Vol. 41. P. 705–720.
- Calzago, Gibson 1988 – Calzago J.M., Gibson K.R. Human Dental Reduction: Natural Selection or Probable Mutation Effect // American Journal of Physical Anthropology. 1988. Vol. 77. P. 505–517.
- Calson, Gerven 1979 – Calson D.S., van Gerven D.P. Diffusion, Biological Determinism and Biocultural Adaptation in the Nubian // American Anthropologist. 1979. Vol. 81. P. 561–580.
- Calson, Gerven 1977 – Calson D.S., van Gerven D.P. Masticatory Function and Post-Pleistocene Evolution in Effect // American Journal of Physical Anthropology. 1977. Vol. 46. P. 495–506.
- Collier 1989 – Collier S. The influence of economic behaviour and environment upon robusticity of the post-cranial skeleton: a comparison of Australian Aborigines and other populations // Archaeology of Oceania. 1989. Vol. 24. P. 17–30.
- Goose 1962 – Goose F.E. Reduction of Palate Size in Modern Populations // Archives of Oral Biology. 1962. Vol. 7. P. 343–350.
- Guglielmino-Matessi et al. 1979 – Guglielmino-Matessi C.R., Gluckman P., Cavalli-Sforza L.L. Climate and the evolution of skull metrics in man // American Journal of Physical Anthropology. 1979. Vol. 50. № 4. P. 549–564.
- Hernández et al. 1997 – Hernández M., Fox C.L., Garcia-Moro C. Fuegian cranial morphology: The adaptation to a cold, harsh environment // American Journal of Physical Anthropology. 1997. Vol. 103. № 1. P. 103–117.
- Moore et al. 1968 – Moore W.J., Lavelle, C.L.B., Spence T.F. Changes in the Size and Shape of the Human mandible in Britain // British Dental Journal. 1968. Vol. 125. P. 163–169.
- Roseman, Weaver 2004 – Roseman C.C., Weaver T.D. Multivariate apportionment of global human craniometric diversity // American Journal of Physical Anthropology. 2004. 125, 3. P. 257–263.
- Simon 1988 – Simon Mays. The Archaeology of Human Bones. L.; N.Y.: Taylor & Francis, 2007.
- Trotter, Gleser 1958 – Trotter M., Gleser G.C. A re-evaluation of estimation based on measurements of sature taken during life and of long bones after death // American Journal of Physical Anthropology. 1977. Vol. 16. P. 79–123.
- Weidenreich 1949 – The brachycephalisation of modern mankind // The shorter anthropological papers of Franz Weidenreih published in the period 1938–1939. Memorial volume. Wash., 1949. P. 212–224.

M.K. Pan, V.Y. Bakholina. Toward an Anthropology of the Earliest Population of the Korean Peninsula

Paleoanthropological findings from the Korean peninsula may testify, as the authors argue, to the possibility that the region had been settled very early in history. According to the discussed anthropological evidence, it is possible to speak of both the continuity between the earliest and later population strata, and the facts of migrations and partial changes of the earliest population as a result of the influx of incoming groups. The findings also suggest ways of reconstructing the way of life of the earliest inhabitants of the peninsula.